

ВЛАСТЬ И ЧЕЛОВЕК В ФИЛОСОФИИ МЕРАБА МАМАРДАШВИЛИ

© Павловская Н.Ю., Четырова Л.Б.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация*

e-mail: vralbey@list.ru

Осознание себя, своего положения в мире через категорию власти связано с влиянием на европейскую мысль Ницше. Его центральная работа переведена на русский язык как «Воля к власти». Мераб Мамардашвили в лекциях о Декарте говорит: «...Что такое “воля к власти”? (...)... в немецком тексте стоит Macht <...>. В немецком Macht есть и сила, и власть, но для власти в немецком языке существует отдельное слово, следовательно, перевод должен быть таким: воля к силе, к сильному состоянию. Только в сильном состоянии рождается достоинство, мысль, истина и так далее. Когда мы не в сильном состоянии, мы мыслим плохо, более того, и поступаем плохо» [3]. «<...> вслед за Ницше, – говорит Мамардашвили в “Опыте физической метафизики”, – я приписываю человеку некоторую волю к силе» [2]. Более раскрывающими мысль Ницше для него оказываются в русском языке такие слова, как «напряжение», «усилие». Таким образом, воля к власти как сущностное определение человека – это не воля к подавлению, обладанию, разрушению, а воля к форме, созиданию.

Без усилия событие (мысли, любви, мужества) «теряется кусками, уходит куда-то» [3]. Мераб Мамардашвили напоминает об античном полисе, который как «...социальная форма <...> явно держалась на ежеминутном участии в ней каждого грека, держалась на напряжении греков быть в полисе, то есть быть гражданами, и когда это напряжение исчезло <...> то исчезла греческая цивилизация. Значит, в обществе, в истории есть некоторые упорядоченные структуры <...> существующие в зависимости от того, насколько интенсивное усилие совершают люди, для того чтобы эти структуры и эти объекты существовали» [1].

Способность к форме, «...ощущение формы – не только продукт философствования, но продукт определенного рода культуры» [1]. Для Мамардашвили русская и грузинская культуры бесформенны, а значит, пребывают в зачаточном состоянии, то есть не рождены. Русские люди испытывают критические чувства к себе, к государству, то есть пребывают в некоем состоянии по отношению к миру, но оно ничего не может создать, кроме повторения самого состояния. «<...> как бы устремленные в некую точку, которая находится в бесконечности, к которой мы все время приближаемся, приближаемся, а она одинаково бесконечно далеко от нас отстоит...» [1], «<...> то есть у нас нет исторической мощи стать, сбиться...» [1]. Поэтому усилие, напряжение не синонимичны желанию, намерению, как это оказывается для русского человека, а омонимичны. Омонимичность желания и напряжения в русской культуре для Мамардашвили – это симптом страха «перед деянием раз и навсегда». Такое деяние предполагает «способность подчиниться конкретной, то бишь несовершенной и конечной форме» [2]. «Подчиняться не для русского человека», – цитирует из книги Бердяева «Самопознание» Мамардашвили.

Античная культура понимала фундаментальное значение для человека способности подчиняться. Мамардашвили приводит в доказательство слова Аристотеля: «...существо, не способное ничему подчиниться, должно быть или богом, или животным (то есть или выше, или ниже человека)» [1]. «А человек, в том числе русский <...>, склонен требовать «или все, или ничего», то есть «дайте мне

совершенное», а конкретное <...> – это не совершенство. И вот гуляет эта стихия, не вмещаема ни в какую форму и не создающая никакой формы <...>» [1].

Таким образом, оказывается, что в античности быть способным к власти означало быть и способным к подчинению, в русской же культуре между ними существует радикальный разрыв.

Библиографический список

1. Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. 816 с.
2. Мамардашвили М.К. Вильнюсские лекции по социальной философии (Опыт физической метафизики). М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2018. 296 с.
3. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2019. 496 с.